

увлечённый сюжетом, зритель не всегда замечает, где, собственно, начинается трюк.

но. Мы трансформируем известный сюжет так, чтобы он был понятен детям, все роли и все трюки исполняют тоже дети, а персонажи, сюжет, реплики, костюмы – всё остаётся, как в первоисточниках. "Титаник" мы показали на "Прометее" (ежегодный фестиваль каскадёров. – Прим. ред.) и получили первый приз.

– Это тоже твоя идея?

– Да, и идея, и воплощение – постановка трюков, режиссура, организация.

– Как, и режиссура?

– А что такого? Мне и раньше на съёмочной площадке часто приходилось примерять на себя роль режиссёра. Когда снимается опасная, трюковая сцена, надо, чтобы трюк не выбивался из общего фона, чтобы во всём эпизоде чувствовалась одна рука. Поэтому в последнее время я сам разрабатываю такие эпизоды и сам их снимаю. Главное, с режиссёром заранее по поводу стилистики договориться. Гайдай, например, снимал трюк, отсматривал и говорил: "Не годится. Слишком страшно". Для "Масок-шоу", наоборот, чем круче, тем лучше. В большинстве же картин трюки делаются так, что зритель, увлечённый сюжетом, не всегда замечает, где, собственно, начинается трюк.

– А скажи, откуда такие бесстрашные дети берутся, которые в твоих фильмах снимаются? И такие бесстрашные родители?

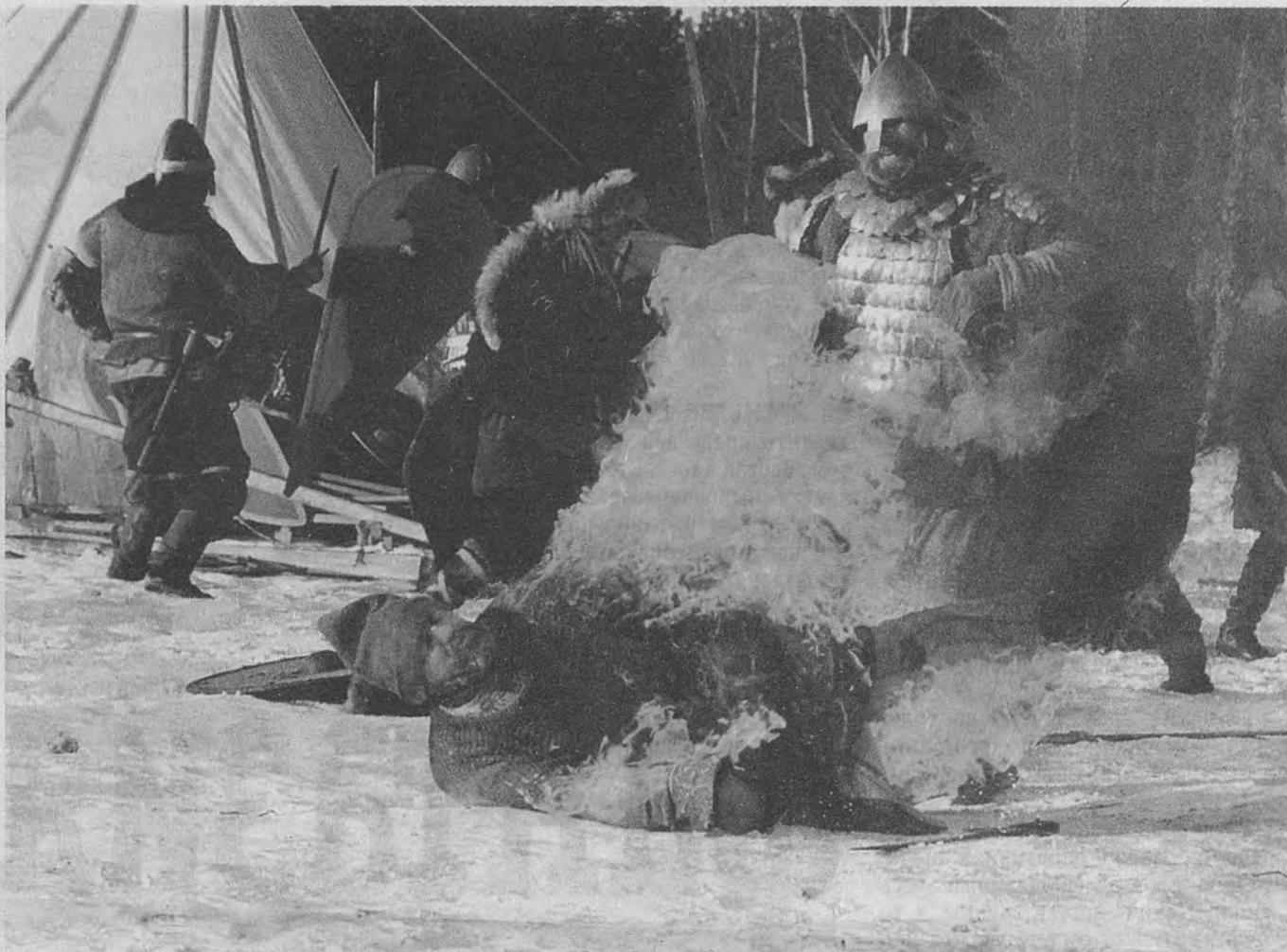
– Дети наши, каскадёрские. В "Артаке", например, главную роль мой сын играет. В этом фильме основные трюки – на мотоциклах, а с ними он прекрасно управляется. Так что и дети, и родители – привычные. Серьёзных, опасных для жизни детей трюков мы не делаем. Так, пустяки – упасть с крыши, влететь в окно, повиснуть на балконе, драки... Работа обычная, серийная.

– Ничего себе "пустяки"!

– Работа как работа. Не такая уж и опасная. А про свои травмы тебе ни один каскадёр не расскажет – это секрет.

– По меньшей мере, один из твоих секретов, как говорится, налицо.

– Ты про перебитый нос? Да, однажды переборщил с пиротехникой: от "Бориса Годунова" с Бондарчуком осталась привычка, чтобы всего было много. Но вообще-то мы всегда продумываем страховку. Например, для трюков, связанных с разбиванием стекла, я специально привожу из Чехии химический состав для изготовления травмобезопасного стекла. А главная наша техника безопасности – психологическая подготовка. Молодёжь, которая приходит в профессию, надо долго готовить морально. Чтобы, с одной стороны, не боялись

камеры и зрителей, а с другой – не лезли на рожон, понимали, что риск должен быть оправданным.

– Сколько каскадёров обычно бывает задействовано на картине?

– По-разному, в зависимости от того, насколько она сложна по трюкам. Иногда я один справляюсь (например, в "Детях понедельника" было только падение с моста и какие-то несложные автотрюки), иногда нужна бригада. На одной из последних картин работали двенадцать человек – там были не просто сложные, а уникальные трюки, впервые нами разработанные и исполненные.

Представьте себе сцену погони героя на велосипеде за быстро движущимся автомобилем по оживлённой улице в потоке машин. Причём не просто погони, а погони со столкновением: человек летит с велосипеда на автомобиль, потом его волочит по асфальту и так далее. Кстати, этот трюк у нас исполнял сам актёр. Но чтобы это было безопасно, нам пришлось придумать несколько специальных приспособлений: кран-стрелу, который вполне может конкурировать с оборудованием Копперфильда, и ещё несколько штук. Часть ребят занимались автотрюками, часть акробатикой, драками, взрывами, кто-то по росту и фигуре подходил под одного героя, кто-то – под другого.

Безобидные трюки.

Каскадёры вообще-то востребованная профессия.

– А у тебя какая специализация?

– Да у нас в России и нет такого понятия – специализация. Вот на Западе, например, две различные ассоциации – трюков и спецэффектов. Всеми этими изобретениями – как прицепить велосипед, как сделать летающий кран, как смонтировать операторский кран – каскадёры там не

занимаются. Это работа мастеров по спецэффектам. Когда снимается трюковая сцена, то статистов на площадке вообще нет – только каскадёры! А у нас получается "и швец, и жнец...", поэтому специализация широкая. Я лично (не очень люблю, но приходится) делаю конные трюки: батальные сцены, взрыв кареты с лошадьми, как в "Империи под ударом" у Сергея Газарова, в "Сибирском цирюльнике". Драки тоже не очень люблю – надела кровь на экране. Чаще всего приходится делать автомобильные трюки. Особые области – трюки с парашютами и акватрюки – тут, конечно, нужна специализация. Хотя и этим приходилось заниматься. Вот, у Рыжова в "Старых клячах" мы придумали, чтобы машина у нас не просто плавала, а уходила под воду, всплывала, ездил по рельсам в метро...

– Ты сказал, что каскадёры – востребованная профессия. Как-то не верится.

– Ну почему? Фильмов сейчас снимается достаточно. А каскадёров не так много. Профессиональных, работающих у нас на всю страну, может быть, человек 40–50. Многие ушли в бизнес, преуспевают, но романтизм профессии никуда не делся, и все эти люди готовы приехать на съёмки по первому зову.

Фото из архива Сергея Воробьёва.